

И. В. Ларионовааспирант
Русской христианской
гуманитарной академии**ПРОБЛЕМА ЗЛА И СТРАДАНИЯ
В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА**

Copyright © 2012, И. В. Ларионова

Научный руководитель:
д-р филос. наук,
проф. Д. К. Бурлака

Творчество Леонида Андреева — одного из крупнейших писателей Серебряного века, создателя ярких и своеобразных литературных произведений, в последнее время вызывает все больший интерес у читателей и исследователей его таланта. Экспрессия, гротеск, парадоксальность мышления в сочетании с особым даром затрагивать самые острые проблемы человеческого существования создают неповторимую атмосферу андреевских текстов. Оригинальность стиля, непохожесть на других — в этом причина некоторой обособленности писателя, который, по словам А. Белого, стоит «...где-то между Горьким и Блоком»¹, не относясь с определенностью ни к реализму, ни к символизму. Но в своей глубинной сути творчество Леонида Андреева с его метафизическим накалом и презрением к обыденности тяготеет к символизму. По словам близкого друга писателя поэта Г. Чулкова, «...в сердце у него всегда звучала какая-то песня “не от мира сего”»². Пожалуй, наиболее близким Андрееву по духу был поэт-символист А. Блок, оба они обладали способностью «угадывать» что-то в иной, «потусторонней» реальности³. Близость эта была основана на свойственном им мистическом романтизме и восприятии от В. С. Соловьева учении о Вечной Женственности, повлиявшем, правда, по-разному, на обоих художников. Мечта о вечно-женственной красоте была связана с личным душевным опытом Леонида Андреева, она и заставляла его вновь и вновь искать «возможную, но несуществующую мировую гармонию»⁴. Поклонение Красоте, неразрывно связанной с Добром, пронизывающее философию и поэзию Владимира Соловьева, пробудило в душе Л. Андреева нечто живое и несомненное в своей подлинности, что всегда жило в глубине его сердца. С другой стороны, на его творчество сильнейшим образом повлияли идеи немецких волюнтаристов А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, оказавшиеся созвучными пессимистической натуре русского писателя. Столь противоречивое влияние способствовало формированию у писателя крайне двойственной картины мира. М. Горький, хорошо знавший Леонида Андреева, выразил в свойственной ему манере эту бросающуюся в глаза противоречивость писателя: Андреев «...странно и мучительно-резко раскалывался надвое»⁵. Поиски возвышенного идеала были омрачены «горькой иронией... над самим собою и над теми сомнительными воплощениями Прекрасной Незнакомки, которые встречались на его

жизненном пути»⁶. Леонид Андреев болезненно воспринимал существование зла и страданий, которыми преисполнена жизнь человека, это ранило его искавшую красоты и гармонии душу. С беспощадной открытостью и резкостью, предельно сконцентрировав мысль в поисках разгадки, он ставил наиболее экзистенциально значимые и трудноразрешимые вопросы: о добре и зле, смысле жизни и смерти, вере в Бога и безверии. Говоря словами героя андреевского рассказа «Ложь», писателю «безумно хотелось сорвать череп, чтобы увидеть Правду»⁷. Свою задачу он видел не в формулировании ответов, а в постановке самой проблемы, неразрешимой в ее трагической сложности. Из неприятия зла вырастает в творчестве Андреева тенденция к преувеличению проявлений зла в мире и стремление к яростному обличению всего мироустройства. Многие исследователи отмечают особый дар писателя нагнетать атмосферу ужаса и безысходной тоски. Мрачность андреевского мировидения еще более подчеркивается тем, что мотивы страдания, отчаяния, торжества зла предстают перед читателем в свете всеобщности как некие символы, как извечные вопросы, затрагивающие трансцендентные уровни бытия. В этом смысле русскому писателю порой отказывало чувство меры. Известны слова Л. Толстого, сказанные о Леониде Андрееве: «Он пугает, а мне не страшно»⁸, но таков уж символически-экспрессионистский стиль писателя, с помощью которого он пытался донести до читателя свой гнев и отвращение к злу и насилию. Андреев считал себя учеником и последователем Ф. М. Достоевского⁹, гениального исследователя тайн человеческого сердца — «плацдарма» борьбы сил добра и зла. Леонид Андреев, пристально разглядывая душу человека, обращаясь к его совести, все чаще приходил к неутешительным выводам. Последнее произведение писателя — незаконченный роман «Дневник Сатаны» — проникнуто горечью и болью, автор выносит миру окончательный приговор: зло победило, не осталось ничего высокого и чистого — красота, любовь, добро оказываются поддельными¹⁰. Андреевский Сатана опоздал: «дьявол» победил на «поле битвы» человеческого сердца, причем без его ведома — люди справились своими силами. Опять же, обращаясь к Ф. М. Достоевскому, вспомним его предупреждение об опасной двойственности человека, способного одновременно служить двум идеалам — «идеалу мадонны» и «идеа-

лу содомскому» — такова мучительная проблема поврежденной грехом человеческой души. Но даже Сатана в романе Андреева не ожидал, что «идеал мадонны» может просто исчезнуть, поглощенный «идеалом содомским»: «при ее необыкновенном сходстве с Мадонной, при ее действительно неземной красоте, чистоте и прелести она с ног до головы продажная, развратная и совершенно бесстыдная тварь...»¹¹. Нравственную оценку человеку и его поступкам автор выносит в одном из своих наиболее известных рассказов «Бездна», написанном под влиянием натуралистических тенденций эпохи, восходящих к ницшеанскому «биологизму» и «витализму». Смысл рассказа — в утверждении идеи, что человек остается зверем, несмотря на все попытки человеческой культуры и морали облагородить его истинную природу. Человек в самом себе несет зло, таково его «родовое» свойство, только слегка прикрытое тонким слоем культуры. Особенно это становится явным в кризисные моменты жизни и истории. Андреев видит свою задачу в безжалостном срывании масок. В отличие от Ницше, автор не прославляет эту витальную, звериную природу человека, он признает ее существование, но не готов «полюбить» и смириться с ней, хотя и не видит способа что-то изменить. Г. Чулков в своих воспоминаниях писал, что Леонид Андреев «...огорчался, скорбел и плакал: ему было жаль человека»¹². Несмотря на свой пессимизм и отчаяние, он был гуманистом, защищающим те крупницы добра, которые ему удавалось разглядеть в людях. Другое дело, что зла он находил в человеческой душе гораздо больше. Но внутреннее стремление к поиску красоты и добра помогало Андрееву любить человека и говорить о «великом блаженстве, равного которому не создавала еще земля, — работать для людей и умирать за них»¹³. На страницах андреевских произведений возникает образ героя, не сдающегося перед натиском зла, даже если эта борьба безнадежна. Идею о необходимости героического, трагического по своей сути, противостояния ужасу и безысходности существования, внешне созвучную ницшеанскому прославлению «героического безумия», Андреев пронесет через все свое творчество. Но вера писателя в героическое противостояние злу была преисполнена пессимизмом и отчаянием, связанным с постоянным вопрошанием, с мучительным, но безуспешным поиском потустороннего смысла бытия.

Философские идеи Ф. Ницше, которыми серьезно увлекался молодой Андреев, оказали заметное влияние на его творчество. Знаменательно, что одна из ранних статей-рецензий Леонида Андреева, вышедшая под заголовком «Если жизнь не удастся тебе, то удастся смерть», сразу отсылает читателя к автору «Заратустры». Андреева нельзя отнести к «ницшеанцам», т. е. прямым последователям немецкого мыслителя, поскольку восприимчивые от него идеи были творчески переосмыслены Андреевым в контексте русской культуры, особенно в свете произведений Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьева. В ряде работ Л. Андреева мы встречаемся с оригинальным прочте-

нием идей Ницше русским писателем. Ницшеанские мотивы звучат в «Рассказе о Сергее Петровиче», посвященном истории незадачливого студента, вся жизнь которого роковым образом изменилась после прочтения книги «Так говорил Заратустра». Сергей Петрович предстает перед нами хорошим, добрым человеком, не слишком уверенным в себе, не имеющим особых дарований и достоинств. Гордая идея о сверхчеловеке посеяла в его душе сомнения, принудив к лихорадочному поиску истины. С одной стороны, Сергей Петрович под воздействием прочитанного осознал свое полное ничтожество — по контрасту с величием сверхчеловека, с другой — в его душе вызревает протест против несправедливости природы. Идея о сверхчеловеке преисполняет его жаждой свободы, ожиданием новых свершений, он начинает верить в свои силы и свое человеческое достоинство. Но этот подъем духовных сил оказывается недолгим, обернувшись пустой иллюзией. Автор с сочувствием относится к своему герою, у которого не было «потребности творить зло», но который, обманутый ницшеанской идеей сверхчеловека, стал осуждать себя за мягкость и безволие и неспособность быть, как те сильные люди, «которые убивают, крадут, насилюют»¹⁴ и «добивают того, кто уже ранен природой»¹⁵. Здесь мы видим соединение мотивов Ф. М. Достоевского, автора «Преступления и наказания», и лозунгов Ницше. Огромной иронией пронизана реплика одного из героев рассказа о том, что Ницше «...так любил сильных, а делается проповедником для нищих духом и слабых»¹⁶. Андреев в своем рассказе трансформирует идеи немецкого мыслителя в созвучии с позицией Вл. Соловьева, изложенной им в статье «Идея сверхчеловека», и показывает, осознанно или нет, что в безрелигиозном пространстве человек в поисках смысла может подпасть под влияние человекобожеской идеи о сверхчеловеке, несущей гибель или безумие. Слова Заратустры «Если жизнь не удастся тебе, если ядовитый червь пожирает твое сердце, знай, что удастся смерть» — подводят Сергея Петровича к решению убить себя. Как пишет Э. Ключ в своей работе «Ницше в России», эта фраза из «Заратустры», переведенная к тому же с искажениями, была неправильно понята частью русских читателей: Ницше не призывает к самоубийству, он предлагает достойное принятие своей судьбы и смерти, т. е. *amor fati*. Далее Э. Ключ добавляет, и с ней можно согласиться, что к «русскому» пониманию слов Ницше Леонид Андреев был подготовлен «концепцией свободной смерти», озвученной Кирилловым в «Бесах» Достоевского¹⁷. Кириллов, в отличие от Ницше, понимает «свободную смерть» как самоубийство, которое, будучи абсолютно добровольным самопожертвованием, должно освободить не только его самого, но и все человечество от рабства смерти. Эта нигилистическая по сути идея, однозначно осуждаемая Ф. М. Достоевским, растворяет человеческую личность в небытийной свободе¹⁸. В «Рассказе о Сергее Петровиче» мотивы Достоевского, Соловьева, Ницше и Шопенгауэра причудливо переплетаются,

создавая своеобразную коллизию. Слова Заратустры об удачной смерти не могли быть поняты Андреевым как *amor fati* в силу особенностей мировидения писателя: метафизической устремленности и жажды красоты и гармонии. В одном из писем Андреев заявлял: «...я не принимаю жизни, какая она есть, и никогда не приму»¹⁹. Он смотрел на жизнь с пессимизмом, окрашенным в отчаянно-бунтарские тона. Самоубийство Сергея Петровича, зачарованного учением Ницше, можно рассматривать как героический поступок, решение о котором он принимает с гордостью отчаяния: «Когда он ощутил в себе спокойную готовность умереть — впервые за всю свою жизнь он испытал глубокую и горделивую радость, радость раба, ломающего оковы»²⁰. В андреевской трактовке смерти как одного из способов противостояния неведомой и равнодушной силе, заставляющей людей держаться за рабское существование в «железной клетке», наряду с шопенгауэровскими мотивами явно предугадываются элементы экзистенциализма. Самоубийство Сергея Петровича описывается Андреевым с присущей автору противоречивостью: здесь присутствует и сожаление, и осознание ошибки, и в то же время признание и оправдание героического бунта «смелого, свободного и бессмертного я».

Известное изречение Ницше «Нет ничего истинного, все позволено» стало одним из мотивов рассказа Леонида Андреева «Мысль». Доктор Керженцев, считающий себя исключительно сильным и независимым человеком, полагает себя выше законов обыденной морали, существующих для слабаков: «Для меня нет судьбы, нет закона, нет недозволенного. Все можно»²¹. Керженцеву не терпится испытать на практике свою силу и исключительность — он хладнокровно убивает приятеля, которого считает бездарным и никчемным созданием. Несмотря на многочисленные аллюзии к ницшеанским мотивам, у читателя андреевского рассказа невольно всплывает в памяти образ Раскольникова из романа Ф. М. Достоевского. Правда, в отличие от героя «Преступления и наказания», испытывавшего муки совести и пришедшего к раскаянию, доктор Керженцев — этот «сильный» человек с «глубоким и искренним презрением к ходячей морали»²² — нисколько не сожалеет о содеянном. Но сама жизнь наказывает героя рассказа за его бесчеловечность: «сверхчеловек» Керженцев сходит с ума. Таким парадоксальным образом русский писатель утверждает свой гуманизм и неприятие зла.

Непростым является вопрос о том, какие ценности отстаивал Леонид Андреев, какие идеалы исповедовал, к какому итогу пришел в своих исканиях. Попытки найти метафизический источник зла неизбежно приводили его к размышлениям о религии. Неизбывная двойственность мировоззрения писателя была связана с мучительным безверием и страстным желанием обретения веры. Отсюда колебания и противоречивость высказываний: «Бога я не приму, пока не одурею»²³, «...не люблю Христа и христианство», «...царствие небесное и прочая чепуха»²⁴. И в то же время: «Мне еще очень многое хо-

чется сказать — о жизни и о Боге, которого я ищущу»²⁵. Гуманизм Андреева зачастую принимал ницшеанско-боготорческий характер: «Царство человека должно быть на земле... призывы к Богу нам враждебны»²⁶. Несмотря на многочисленные высказывания Андреева в духе атеизма, никаким атеистом он не был по складу своей натуры. Он выступает с антирелигиозными заявлениями отчасти в силу распространенности марксистских идей, отчасти в силу трагической раздвоенности его внутреннего мира. Лев Толстой проницательно увидел это, сказав, что Андреев «стесняется» атеистов, но сам «в Бога верит и Бог ему страшен»²⁷. Этот противоречивый и изнуряющий поиск Бога находил отражение в произведениях писателя, где герои пытаются «достучаться до небес» и познать Бога, если Он существует. Страстное религиозное вопрошание, пронизанное реминисценциями из библейской книги Иова, — тема боготорческой повести Андреева «Жизнь Василия Фивейского». Библейские мотивы и евангельские персонажи не покидают страниц книг Леонида Андреева, религиозная тема явно или подспудно становится центральной в творчестве Андреева.

Повесть «Иуда Искариот» ставит очередную загадку перед исследователями творчества писателя. Фигура Иуды, ученика Христа, предавшего своего Учителя на распятие, в повести Андреева переосмысливается парадоксальным образом. Образ Иуды крайне двойствен: он двуличен и отвратителен, но в то же время весьма умен, проницателен и даже мудр. Создается впечатление, что в своей проницательности и понимании божественных тайн творения Иуда равен Христу. Он знает, что ему суждено сыграть величайшую роль в истории мира. Андреевский Иуда видит людей насквозь, но взгляд этот настроен только на выискивание всего самого низменного и подлого в роде человеческом. Никакие добрые слова и добрые деяния не могут обмануть Иуду — он знает, что в глубине души каждого кроется зло. Несомненно, в характере Иуды мы видим некоторые гипертрофированно представленные черты самого Леонида Андреева, о мрачности мировидения которого говорилось выше. Иуда раздираем противоречивыми стремлениями, которые движут им почти на уровне инстинкта: он любит Иисуса, но любовь его темна, он предан своему Учителю, но это преданность зверя. Андреев преувеличенно акцентирует человеческую природу Иисуса Христа — Христос, предстающий в рассказе, это, прежде всего, человек со всеми его слабостями: выразительный штрих — Иисус в андреевской трактовке может иногда громко и долго «хохотать», что выглядит почти кощунственным. Андреев показывает Христа как очень доброго, но несколько наивного человека, мечтательно верящего в людей. Как же Учитель ошибается! — с болью думает мудрый Иуда. Он одержим стремлением всем, но прежде всего Иисусу, доказать свою правоту. Иуда ревниво следит за апостолами, толпящимися вокруг Христа, он негодует — ведь они недостойны Учителя, а Тот не хочет понять этого, либо старается не замечать.

Андреевский Иуда решается на предательство как на последнюю отчаянную попытку вразумить «несчастливого Иисуса»²⁸ и открыть Ему глаза на низость и трусость людей. Читателя андреевской повести поражает контраст между образом Христа, обрисованным писателем, и Христом Евангелия, Сыном Человеческим, говорящим: «Я и Отец — одно». Иисус в повести не произносит ни слова; когда Иуда пронзает Его взглядом, Он отводит глаза — создается впечатление, что Ему нечего ответить все понимающему ученику. Если мы вспомним Христа из «Легенды об Инквизиторе» Ф. М. Достоевского, то сразу бросается в глаза несхожесть двух образов: Христос в Легенде тоже молчит, но Его молчание выразительнее слов, оно проникнуто печалью, жертвенной любовью и всепрощением. В повести Андреева прекраснодушный Иисус далек от реальности: «Разве понимает он что-нибудь в людях, в борьбе!»²⁹ — восклицает в отчаянии Иуда. В представлении многих поколений Иуда является символом предательства — одного из самых ненавидимых людьми деяний. В «Божественной комедии» Данте Иуда вместе с Брутом и Кассием — предателями Цезаря, осужденные на вечное проклятие, низвергнуты на самое дно ада, где Люцифер терзает их в своих зубастых пастьях. Правда, еще во времена гностиков возникает иная трактовка деяния Иуды, отраженная в неканоническом «Евангелии от Иуды». Эта еретическая по своей сути концепция возвеличивает Иуду до уровня спасителя человечества: Иуда оказывается любимым учеником Христа, добровольно пожертвовавшим собой и предавшим Христа, чтобы свершилось предначертанное. Вновь и вновь появляясь на страницах эзотерических текстов и литературных произведений, эта ересь дожила до наших времен³⁰. Андреевский Иуда отличается как от христианской, так и от гностической трактовки образа. В этом и кроется его загадка. Впрочем, это относится практически ко всем героям Андреева, уникальным в своей противоречивой сложности. Андреев не оправдывает своего Иуду, но и не осуждает его. Складывается впечатление, что автор просто наблюдает за развитием событий, сфокусировав взгляд на поступках главного героя и их психологической мотивации. Но хотел того автор или нет, Иуда в повести выглядит почти победителем: ведь он оказался прав — ученики повели себя малодушно и недостойно! «Любимый ученик! Разве не от тебя начнется род предателей, порода малодушных и лжецов?»³¹, — с «праведным» гневом обращается Иуда к Иоанну. К концу повести все более величавым предстает образ Иуды: Петр уже чувствует в нем «кого-то, кто может приказывать»³². Здесь происходит своеобразное перевертывание ролей: в Евангелии от Матфея Иисус говорит «как власть имеющий», но андреевский Иисус явно уступает Иуде, более походая на «манекена»³³. Гордый и спокойный Иуда, отрешившийся от всего земного, видит в самоубийстве не конец, а начало новой жизни: «Я иду к нему! — сказал Иуда, простирая вверх властную руку»³⁴. Мы видим, что Леонид Андреев

неизменно возвращается к важнейшему для него мотиву смерти как героического бунта. Не Христос, а богоборец Иуда, — тот, кто принесет людям истину, он будет «ковать железо» и «разрушать небо» до тех пор, пока не найдет ее.

Переосмыслению евангельского сюжета о воскресении Лазаря посвящена повесть-притча Андреева «Елеазар». Сюжет повести находится в ужасающем противоречии с христианским пониманием радостного чуда воскресения из мертвых. Имя Христа ни разу не упоминается Андреевым в этой повести, но читатель, знакомый с евангельским сюжетом, невольно ждет какого-то намека на Его присутствие. Но напрасно — повесть Андреева насыщена пустотой богоотсутствия. От этой пустоты веет могильным холодом и ужасом. Елеазар, воскрешенный «чудесной властью»³⁵ на третий день и вышедший из могилы, ходил среди людей «с лицом трупа, над которым три дня властвовала во мраке смерть»,³⁶ пугая всех «страшной синевою лица и отвратительной тучностью». Но самое страшное, что взор Елеазара, познавшего холод смерти, приобрел способность убивать, пронизывая все живое «мертвой, серой скукой»³⁷. И прокляли люди ненавистное имя чудесно воскресшего, под равнодушным взором которого погибало «все, что служит к утверждению жизни, смысла и радости ее»³⁸. Что же увидел Елеазар в те три дня, что был мертвым? Ничего не мог рассказать он людям, поскольку Там нет ничего, кроме «черной утробы» пустоты и «ужаса Бесконечного»³⁹. М. Волошин писал, что помимо воли автора повести все эти мрачные подробности описания воскресшего «трупа» отступают на задний план, вытесненные вопросом, неотступно преследующим читателя: «Кто же тот, кто воскресил Елеазара? Кто *Он*, кто решился устроить такое дьявольское издевательство над человеческой душой?»⁴⁰. Назвать имя Христа язык не повернулся бы. Кажется, что какая-то «диаболическая сила» вернула мертвецу «жизненную силу, но не могла вселить в него отлетевший дух»⁴¹. Пожалуй, в этом рассказе Андреева с наибольшей силой проявилась та религиозная, духовная слепота писателя, о которой писали многие его современники. Экзистенциальный мотив «заброшенности» человека в мире возникает в рассказе Андреева «Стена», где гротескная в своей чудовищной и злобной непреодолимости стена закрывает людям путь к познанию смысла их преисполненной страданиями жизни. Стена, в которую уперлись люди, — это символ смерти как границы, но что скрывается за ней? Ответа нет. За безмолвствующей стеной — пустота, которую олицетворяет Некто в сером — образ из пьесы Андреева «Жизнь человека». Кто же этот таинственный Некто в сером? По мнению М. Волошина, Леонид Андреев всем своим творчеством как бы говорит читателю: «Имя, которое я даю Богу, — “Некто в сером”»⁴². Вряд ли с этим можно полностью согласиться, ведь, как мы уже упоминали, Андреев не торопился давать однозначных ответов в своих произведениях. И уж тем более таким ответом не мог стать Некто в сером — этот равнодушно

и даже враждебно затаившийся во мраке небытия «злой недруг человека»⁴³. Находясь в непрерывном поиске вневременного смысла бытия, русский писатель Бога так и нашел, но не смирился и не потерял воли к сопротивлению. Себя он сравнивал с одним из героев рассказа «Призраки»: «Безумный, который стучит, — это я»⁴⁴. Но в том-то и ужас — вновь и вновь появляется в текстах писателя подозрение — что стучать бесполезно, истины и смысла «...нигде, ни в чем нет»⁴⁵. Нигилистический пафос всеотрицания лейтмотивом проходит через многие произведения Андреева. О себе он говорил как о «рожденном проклинать»⁴⁶. Еще в молодости он заявил о своем намерении показать, что «...только в смерти истина и справедливость, что вечно одно только “не быть”»⁴⁷. Леониду Андрееву суждено было творить в непростую эпоху Серебряного века с его творчески насыщенной, но смутной и двоящейся атмосферой соблазна, в которой пышным цветом расцвели «благоуханные» и «ядовитые цветы» декаданта. Мистицизм, демонизм, темы ужаса и смерти сближали Андреева с декадентами и, хотя писатель их не понимал и не любил, в своей «бессознательной сущности» он был «их поля ягода»⁴⁸. Но в том-то и заключается неповторимость творчества Леонида Андреева, что мы не видим у писателя декадентского «упоения» гибелью и тленом, эстетского заигрывания с небытием. Все, что он писал и говорил, было подлинным, притворяться и лгать этот человек был не способен⁴⁹. Его произведения пронизаны «плачем» по человеку и «трагическим чувством вечности, небытия, хаоса, мировой пустоты»⁵⁰. Сам воздух той предгрозовой поры был наполнен «ядовитыми испарениями»⁵¹, отравившими многих одаренных художников. Жертвою стал и Леонид Андреев, его самого «отравили и замучили те странные темные силы, которые незримо вошли в нашу жизнь и разложили ее»⁵².

Возникает вопрос: кто для русского писателя является тем источником «добра, и правды, и любви»⁵³, о котором он грезил всю жизнь? Человек? Но сам Андреев чувствовал, что «последняя» истина не может находиться в человеке — это было бы «очень плохо, очень ничтожно...»⁵⁴. Герои андреевских произведений в слепом и безнадежном бунте обретают лишь смерть: всякий «сгинет бесследно в безграничности времен, не мыслимый, не чувствуемый, не знаемый никем»⁵⁵. Андрееву никогда не удавались персонажи, которые были бы способны как-то противостоять злу. Зло всегда жило в них самих или же им было свойственно бессилие перед ним. Исключение здесь не составляет даже Христос «Иуды Искарюта». Невольно закрадывается мысль, что добро, по Леониду Андрееву, остается не более, чем благопожеланием и устремленностью к нему. У добра нет бытийственных оснований, своей «онтологии». Онтология просматривается только у зла, которому в произведениях Андреева открывается бесконечная бездна. Но зло — взятое онтологически — это ведь Ничто. Оно оказывается укорененным в самой глубине всего сущего, за ним последнее слово, оно последняя ис-

тина о сущем. Наверное, это не прямой нигилизм, и все же он оказывается у Андреева непреодолимым, хотя и не принимается им. Остается вечная разорванность между неприятием зла и ощущением его непреодолимой реальности. В этой ситуации для русского писателя остаются равно неприемлемыми героический пессимизм Ницше и квиетизм воли Шопенгауэра. Последней истиной творчества Андреева остается вопрошание, взывание, надрыв.

Но что более всего поражает в творчестве русского писателя — это слепота в отношении христианства, полная нечувствительность к тому, каким был евангельский Христос. Андреев создает свой образ Христа — слабого и бессильного. Этим вольно или невольно он делает уступку злу, сдает позиции добра еще до того, как пытается преодолеть зло. Впрочем, по этому пункту Андреев не одинок. Если мы вспомним Христа по Толстому, Розанову, Мережковскому, Блоку и иже с ними, то понятно, что в этом отношении Андреев пребывает в общем русле религиозной невменяемости. И толстовское «он пугает, а мне не страшно» тогда получает свое объяснение, хотя и не по Толстому. Оно состоит в том, что было бы неверно утверждать, что заслон от зла Андреев не мог обрести ввиду мощи и неисследимой глубины зла как таковых. В своей непримиримой борьбе со злом писатель упорно не видит точки опоры, которая сделала бы зло преодолимым. Именно в этом вопросе парадоксальная противоречивость писателя, так страстно ненавидевшего зло, достигает своей наибольшей остроты.

Примечания

- 1 Белый Андрей. Между двух революций. Л., 1934. С. 201.
- 2 Чулков Г. И. Леонид Андреев (Воспоминания) // Письма Леонида Андреева / Предисловие и послесловие Георгия Чулкова. Л., 1924. С. 40.
- 3 Там же. С. 42.
- 4 Там же.
- 5 Горький М. Леонид Андреев // Полное собрание сочинений: В 25 т. М., 1973. Т. 16. С. 324.
- 6 Чулков Г. И. Цит. соч. С. 41.
- 7 Андреев Л. Н. Ложь // Собрание сочинений: В 6 т. М., 1990. Т. 1. С. 273.
- 8 Телешов Н. Записки писателя // Избранные сочинения: В 3 т. М., 1956. Т. 3. С. 54.
- 9 Гроссман Леонид. Беседы с Леонидом Андреевым // Собрание сочинений: В 5 т. М., 1928. Т. 4. С. 250.
- 10 Можно вспомнить, что об опасности «поддельного добра» писал в конце жизни В. С. Соловьев (предисловие к «Трем разговорам»).
- 11 Андреев Леонид. Дневник Сатаны // Избранное. Л., 1984. С. 460.
- 12 Чулков Г. И. Цит. соч. С. 47.
- 13 Андреев Леонид. Рассказ о Сергее Петровиче // Избранное. С. 42.
- 14 Там же. С. 43.
- 15 Там же. С. 51.
- 16 Там же. С. 46.
- 17 Клюс Эдит. Ницше в России. Революция морального сознания. СПб., 1999. С. 95–96.

- ¹⁸ Сапронов П. А. Путь в Ничто. Очерки русского нигилизма. СПб., 2010. С. 182–193.
- ¹⁹ Письма Леонида Андреева / Предисловие и послесловие Георгия Чулкова. Л., 1924. С. 18.
- ²⁰ Андреев Леонид. Рассказ о Сергее Петровиче. С. 52.
- ²¹ Там же. С. 162.
- ²² Там же. С. 128.
- ²³ Вересаев В. В. Леонид Андреев // Сочинения: В 4 т. М., 1948. Т. 4. С. 459.
- ²⁴ Горький М. Цит. соч. С. 356.
- ²⁵ Из письма Андреева к Горькому // Литературное наследство. Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. М., 1965. Т. 72. С. 128.
- ²⁶ Андреев Л. Н. Письма к В. С. Миролотову // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. М.-Л., 1960. Т. 5. С. 106.
- ²⁷ Горький М. Лев Толстой // Полное собрание сочинений, 1973. Т. 16. С. 284.
- ²⁸ Андреев Леонид. Иуда Искариот // Избранное. С. 287.
- ²⁹ Там же. С. 312.
- ³⁰ В эпоху Серебряного века ярким защитником этой гностической концепции был поэт Максимилиан Волошин.
- ³¹ Андреев Леонид. Иуда Искариот. С. 313.
- ³² Там же. С. 319.
- ³³ Волошин М. Некто в сером // Лики творчества. Л., 1988. С. 460.
- ³⁴ Андреев Леонид. Иуда Искариот. С. 314.
- ³⁵ Андреев Леонид. Елеазарь (Рассказ). Stuttgart., 1906. С. 5.
- ³⁶ Там же. С. 6–7.
- ³⁷ Там же. С. 9.
- ³⁸ Там же. С. 22.
- ³⁹ Там же. С. 27.
- ⁴⁰ Волошин М. Цит. соч. С. 460.
- ⁴¹ Волошин М. Елеазар // Лики творчества. С. 453.
- ⁴² Волошин М. Некто в сером. С. 460.
- ⁴³ Андреев Леонид. Жизнь человека // Собрание сочинений, 1990. Т. 2. С. 462.
- ⁴⁴ Горький М. Леонид Андреев. С. 337.
- ⁴⁵ Там же. С. 353.
- ⁴⁶ Андреев В. Л. Детство. М., 1963. С. 234.
- ⁴⁷ Брусянин В. В. Леонид Андреев. Жизнь и творчество. М., 1999. С. 115.
- ⁴⁸ Чулков Г. И. Цит. соч. С. 32.
- ⁴⁹ Чулков Г. Цит. соч. С. 37.
- ⁵⁰ Чуковский Корней Иванович. Из воспоминаний. М., 1958. С. 252.
- ⁵¹ Бердяев Н. А. Самопознание. Л., 1991. С. 141.
- ⁵² Чулков Г. И. Цит. соч. С. 47.
- ⁵³ Андреев Л. Н. Письма к В. С. Миролотову. С. 107.
- ⁵⁴ Горький М. Леонид Андреев. С. 316.
- ⁵⁵ Андреев Леонид. Жизнь человека. С. 444.